
Лиля Саваренская
Дама
в
красном.
Франция
Эдеврум

Лиля Саваренская

Дама в красном. Франция

https://litres.ru/74114938
SelfPub; 2026

Аннотация

Кто она — мадам Бо-Напард? Богатая вдова? Русская шпионка? Или просто женщина, которая слишком много знает?

В Париже 1900 года, среди блеска Всемирной выставки и грохота моторов, плетётся заговор. Готовится убийство. И Элоиза, дама в красном, сама того не желая, оказывается в его центре. Ей предстоит игра, где враги носят фраки, друзья предают, а цена ошибки — смерть.

Книга в процессе написания! График выхода глав — по пятницам. Но всё в ваших руках! Пишите отзывы, делитесь впечатлениями и ставьте оценки. Ваша активность — лучшая мотивация для автора. При высокой поддержке я перейду на график «две главы в неделю»! Сейчас я пишу продолжение Дама в красном. Китай. Не пропустите.

Содержание

Глава 1. Вишневое платье. 4
Глава 2. Утро в "Рице". 12
Глава 3. Ночь в "Рице" 20
Глава 4. Охотница. 29
Глава 5. Два письма. 38
Глава 6. Мулен Руж. 45
Глава 7. Встреча. 54
Глава 8. Разговор. 63
Глава 9. Визит к маркизу. 70
Глава 10. Артур. 78
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Лиля Саваренская
Дама в красном. Франция

Глава 1. Вишневое платье.

Париж, 1900 год. Всемирная выставка. Её называют столицей мира — так написано на всех афишах.

Гран-Пале. Большой дворец.

Его построили специально к этому году. Тысяча пятьсот рабочих строили три года. Снаружи — камень, колонны, арки, статуи. Сорок скульпторов украшали стены. Над главным входом — бронзовая колесница с четырьмя лошадьми. Она называется «Бессмертие, обгоняющее Время».

Внутри — железо и стекло. Потолок высокий, сорок пять метров. В центре — купол. Свет льётся сверху, как в церкви, только вместо бога здесь техника.

Стены белые. По бокам — балконы на два этажа, с лепниной, с золотыми деталями. Всё дышит роскошью. Кажется, что век только начался и он будет прекрасным.

Толпа — как река.

Мужчины в сюртуках и цилиндрах. Женщины в длинных платьях, в шляпах с перьями и тонкими вуалями. Говорят на всех языках. Французский, английский, немецкий, русский. Рядом с Эйфелевой башней построили целый русский

Кремль — императорский павильон с башнями и шатрами.

Пахнет духами, потом, свежим деревом от новых павильонов и — странно здесь — бензином.

Павильон автомобилей.

Он стоит отдельно, ближе к Марсову полю. Не такой большой, как Гран-Пале, но людей здесь не меньше.

Мужчины толпятся у каждой новинки. Женщины ждут в сторонке, обмахиваются программками.

В центре павильона — машина.

Чёрный «Panhârd-Levaççor». Единственный в мире. Лакированный кузов блестит как зеркало. Медные детали сверкают, словно золотые. Кожаный салон пахнет дорого. Спицы колёс тоньше, чем обычно, — французская работа.

Рядом с машиной — ведущий. Высокий. Седой, но не старый. Во фраке, с белым галстуком. Говорит громко, но не кричит — привык, что его слушают.

— Двухцилиндровый мотор, почти семь лошадиных сил. Сорок километров в час, месье! — объявляет он. — Стартовая цена — десять тысяч франков. Продажа с аукциона. Кто даёт больше?

Публика оживала волнами. Банкир с брелоками на жилете — толстый, краснолицый — поднял трость.

— Одиннадцать.

Рядом с ним, в первом ряду, сидел молодой человек в цилиндре — бледный, с тонкими усиками, нервно теребил программку. Он пришёл с отцом и отчаянно хотел выглядеть

взрослым. Когда банкир выкрикнул «одиннадцать», юноша дёрнулся, будто это он сделал ставку.

— Двенадцать, — отвечают справа.

Чуть поодаль стояла пара — мужчина в военном мундире и его жена, полная дама в жемчугах. Она обмахивалась веером и громко шептала мужу: «Зачем нам автомобиль, если есть кучер?» Он не отвечал — только смотрел на машину, и глаза его горели. Ему было плевать на кучера. Ему хотелось скорости.

— Тринадцать. – кивнул он ведущему.

Азарт. Женщины тянут шеи, мужчины перешёптываются. А между рядами уже сновал мальчишка-рассыльный — в коротких штанишках, с подносом в руках. Он разносил телеграммы и шампанское, ловко уворачиваясь от цилиндров и дамских шляп. Один раз его чуть не сбил высокий господин с тростью — мальчишка отскочил, и бокалы на подносе звякнули, но ни один не упал.

Ведущий улыбается, принимает ставки.

— Семнадцать. Кто больше?

И в этот момент толпа расступается.

Она вошла.

Вишнёвое платье. Глубокий, тёмно-красный цвет. Без единой складки. Ткань плотная, дорогая. Платье облегает фигуру, но ничего не показывает — только угадывается тонкая талия, узкие бёдра. Маленькая сумочка в руке и туфли на высоком каблуке в цвет платья, тоже красные.

Шляпа маленькая, без полей, с вуалью. Вуаль поднята, видно лицо. Фарфоровое, нежное. Присмотревшись, можно было заметить тонкие морщинки в уголках глаз — лучики, расходившиеся к вискам. Следы солнца, ветра, бессонных ночей и — как ни странно — смеха. Она много смеялась когда-то. Теперь уже меньше. Губы чуть тронуты помадой, но в уголке рта затаилась легкая улыбка.

Глаза светлые, большие, выдавали в ней русские корни. Они смотрели цепко, оценивающе — так смотрит игрок, который уже знает, чем кончится партия, но не показывает виду. Взгляд скользил по лицам, задерживаясь ровно на секунду — достаточно, чтобы запомнить, но не выдать интереса.

Волосы тёмные, гладкие, уложены в тяжёлый узел на затылке. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего взгляда.

Она не смотрит по сторонам. Идёт прямо, но кажется, что не идёт, а плывёт над каменным полом. Кто-то из мужчин поправляет галстук. Женщина в жёлтом платье отступает на шаг, заслоняя мужа.

За ней — другая. Чуть ниже ростом. В сером платье, без украшений. Лицо простое, незапоминающееся. Такое лицо теряется в толпе — но если приглядеться, можно заметить: плечи расправлены, спина прямая, шаг ровный. Военная выправка. Она смотрит не на автомобиль. Она смотрит на лица, жесты, карманы. Изучает.

Элоиза, та что в красном, останавливается у барьера.

Смотрит на автомобиль. Молчит.

Ведущий косится на неё, но продолжает торг.

— Восемнадцать тысяч! Восемнадцать!

Банкир с брелоками поднимает трость.

— Девятнадцать! – почти задыхаясь, произнёс он.

Толпа затихает.

Она не торопилась. Дала торгу дойти до предела — до тех пор, пока банкир не выкрикнул «девятнадцать», а толпа не затаила дыхание. Вот теперь — пора. Она чуть склонила голову, будто прикидывая что-то в уме, и едва заметно усмехнулась уголком губ.

И тогда Элоиза подаёт голос.

Не громко. Без вызова. Просто роняет:

— Сорок.

Голос низкий. С хрипотцой. Все слышат. Толпа замирает. Кто-то из мужчин кашлянул в кулак. Банкир с брелоками медленно оборачивается. Смотрит на женщину. Его лицо багровеет, он хочет что-то сказать — жена дёргает его за рукав. Он отворачивается.

Ведущий прокашливается, одёргивает фрак.

— Продано. – стучит молоточком по столу. — Месье… мадам… — он осёкся.

Элоиза кивает. Чуть заметно.

Не оборачиваясь, тихо говорит:

— Распорядись, Хана.

— Слушаюсь, — отвечает та, что в сером.

Хана делает шаг вперёд. Ведущий смотрит на неё, потом на Элоизу, не понимает, но спорить не решается.

Элоиза разворачивается. И тут замечает его.

Он стоял у колонны, чуть в стороне от толпы. Высокий, широкий в плечах, в безупречно сидящем сюртуке.

Он не следил за аукционом. Он смотрел на неё. Их глаза встретились.

Элоиза почувствовала его раньше, чем увидела. Она не вздрогнула, не отвела глаз. Просто отметила про себя: этот — опасен. И занесла его в мысленный каталог, куда попадали все, кто стоил внимания. Высокий. Светлые волосы. Не двигается. Свой или...

Он не подошёл. Не улыбнулся. Просто остался стоять у колонны.

Она шла обратно. Та же лёгкая походка. Те же красные туфли. Она не улыбается. Элоиза спиной чувствует его взгляд тяжелый, спокойный, неотрывный. Толпа молча расступается. Но уже не просто глазеет — она ожила, зашепталась.

— Кто она?

— Не знаю.

— Откуда?

— Красивая.

Никто ничего не знает.

Хана остаётся у барьера. Спокойно, без спешки открывает сумку. Достаёт пачку банкнот — новеньких, хрустящих.

Пересчитывает не глядя. Протягивает ведущему. Громко, так, чтобы слышали все:

— Оформляйте на мадам Бо-Напард.

Ведущий берёт деньги, пальцы чуть дрожат. Кивает.

Хана разворачивается и уходит следом.

Экипаж отъезжает от Гран-Пале. Хана называет адрес, и кучер, не задавая лишних вопросов, правит лошадей.

Через четверть часа тяжёлые колёса застучали по брусчатке Вандомской площади.

Хана дёргает за шнурок. Экипаж останавливается.

— Мадам, отель «Риц», — говорит она, не оборачиваясь.

Элоиза смотрит в окно. Самый модный и дорогой отель Парижа. Там, где останавливаются те, кому не нужно представляться.

— Хана, — тихо говорит Элоиза. — Начало положено.

— Я в толпе заметила одного человека, — продолжает Элоиза. Голос спокойный, но пальцы чуть сжимают сумочку.

Молчание. Хана смотрит на брусчатку.

Она медленно поворачивается от окна.

— Кого?

— Не знаю, — ответила Элоиза. — Но он стоял у колонны. Высокий. Светлые волосы. Смотрел прямо на меня. Среди всей этой толпы — только он не отводил глаз.

Она замолчала.

Хана ждала.

— Он не подошёл, — продолжила Элоиза. — Не улыбнул-

ся. Просто стоял. И когда я садилась в экипаж, он поправил шляпу. Как будто знал, что я смотрю.

— Ты его знаешь? — спросила Хана.

— Нет, — сказала Элоиза.

Хана не ответила. Только её плечо чуть напряглось.

Элоиза перевела дыхание, успокаиваясь. Хана выходит первой, оглядывает улицу — привычное движение, никакой угрозы. Протягивает руку мадам. Рядом с Элоизой она казалась ещё более бесцветной — но в этой бесцветности было что-то опасное.

Красная туфелька ступает на серый камень.

Элоиза идёт к дверям отеля. Хана остаётся у экипажа, глядя ей вслед.

Глава 2. Утро в "Рице".

Парижское утро вползало в номер «Рица» сквозь тяжёлые портьеры. Серый свет, ещё не набравший силы, ложился пятнами на паркет.

В центре комнаты — накрытый стол. Белая скатерть. Серебро. Кофейник с длинным носиком. Круассаны на тонкой тарелке. Всё чинно, как велит этикет.

Элоиза ходила от окна к столу и обратно. Легко, почти танцуя. На ней — панталоны с кружевами понизу и корсет, стянутый наспех. Волосы уложены, но несколько прядей выбились — видно, причёсывалась второпях. В длинном мундштуке дымилась тонкая сигарета.

— Назначить встречу там, — говорила она, взмахивая рукой. Дым тянулся за ней, как шлейф. — Среди бела дня. На самой людной улице Парижа.

Хана сидела у окна в кресле. Спина прямая. Серое платье застёгнуто на все пуговицы. Руки на коленях. Даже в номере, даже утром, даже когда никто не видит, — никакой расслабленности. Она смотрела на хозяйку. Молчала.

— Они что, думают, мы магазины пришли рассматривать? — Элоиза затянулась, выпустила дым медленно, в потолок. — Или делаем вид, что встретились случайно?

— Возможно, — голос Ханы ровный, без насмешки, — именно на это и рассчитывают.

Элоиза остановилась. Посмотрела на неё.

— Встреча на улице — это риск. Открытое пространство. Два выхода из зоны видимости. Толпа, которая может быть чужой.

— Или своей, — сказала Хана.

Элоиза усмехнулась. Сунула мундштук в пепельницу. Подошла к столу, отломила кусочек круассана, но есть не стала.

— Во сколько?

— В одиннадцать.

— Место?

Хана не ответила. Смотрела прямо.

— Улица Клиши, — сказала она наконец. — У кафе напротив «Мулен Руж».

Элоиза замерла. Потом тихо рассмеялась. Подошла к окну, отодвинула портьеру.

— Знала бы ты, Хана, как я ненавижу эту улицу, — сказала она, не оборачиваясь. — Сколько мне пришлось по ней пройти… до того, как стала Бо-Напард.

Хана не ответила. Встала, расправила юбку.

— Мадам, вы будете завтракать?

— Нет, — Элоиза повернулась к ней резко. — Одевай меня. И прикажи подать экипаж к половине одиннадцатого. Выйдем пораньше. Посмотрим, кто нас там будет ждать.

Она прошла мимо Ханы, бросив на ходу:

— И выбери что-нибудь… неприметное.

Хана опустила руки. Короткий кивок — и она уже у две-

ри, расправляет складки платья, поправляет манжеты. Элоиза смотрит ей вслед. Ждёт, пока дверь закроется. Потом подходит к зеркалу, касается пальцами подвески на шее. Поправляет волосы — те самые выбившиеся пряди.

Она вышла в коридор ровно через полчаса. Шляпа, перчатки, сумочка. Хана ждала у механического подъемника, держа раскрытый зонт — хотя солнце только начинало припекать.

На улице их уже ждал экипаж. Кучер поправил фуражку, увидев хозяйку.

Улица Клиши в одиннадцать утра уже жила своей жизнью. Экипажи, омнибусы, пешеходы. Женщины с пустыми глазами у дверей кафе. Мужчины с газетами под мышкой.

Они сидели за столиком на открытой веранде. Элоиза в тёмно-синем костюме с узкой юбкой — неприметно, строго, почти скучно. Шляпа с вуалью, вуаль поднята. Сегодня она не прячет лицо. Хана рядом. Серое пальто, глаза по сторонам.

Перед ними две чашки кофе. Элоиза не пьёт. Смотрит на вход в «Мулен Руж». Там сейчас тихо. Кабаре откроется к вечеру.

Вдруг к столику подлетает мальчишка. Грязный. Кепка набекрень. В руке щётка и тряпка. Пальцы у него чёрные, с заусенцами, на скуле следы золы.

— Почистить ботинки, мадам? — тараторит, не глядя на лица. — Две минуты — и будет зеркало.

Он уже наклоняется, бросает тряпку на асфальт, присаживается на корточки перед Элоизой.

Элоиза дёргается.

— Уберите сейчас же, я не…

Но мальчишка не слушает. Его рука с тряпкой скользит по её левому ботинку — и в то же мгновение что-то переходит из его ладони в руку Ханы. Не видно. Не слышно.

Три секунды. Он уже вскочил.

— Спасибо, мадам! — кричит и исчезает в толпе, прежде чем официант успевает сделать шаг. Мокрый след от его тряпки остаётся на асфальте.

Элоиза смотрит на Хану.

Хана сидит неподвижно. Только пальцы сжаты — в кулаке что-то есть.

— Твой мальчик? — тихо спрашивает Элоиза.

— Его послали, — отвечает Хана.

Она медленно, не глядя, сжимает руку под столом. Что-то маленькое перекочёвывает из её пальцев в рукав — туда, где подкладка с секретным карманом.

Элоиза берёт кофе. Делает глоток. Ставит чашку, отодвигает — не допив.

— Теперь мы знаем, что встреча состоялась, — говорит она. — Вопрос: что именно он нам передал?

Хана поднимает глаза.

— Узнаем, когда вернёмся в отель.

Элоиза помолчала. Потом сказала, не глядя на Хану:

— Пойдём. Ноги затекли. — Элоиза жестом отпустила кучера, велела ему возвращаться.

Она взяла её под руку, и они двинулись вдоль витрин. Хана шагала ровно, чуть позади, чтобы видеть спину хозяйки и лица прохожих.

Улица Клиши плавно перетекла в бульвар Рошешуар. Витрины сверкали. Манекены в новых платьях застыли в неестественных позах.

— Нам нужны покупки, — сказала Элоиза, не глядя на Хану. — Чтобы был повод выйти из отеля.

— Шляпку? — спросила Хана ровно.

— Шляпку, — кивнула Элоиза. — И перчатки. И ещё что-нибудь, что не жалко будет оставить в номере.

Шляпная мастерская

Мадам Фурнье — полная, в чёрном шёлке, с лорнетом на цепочке. Руки в кружевных митенках, пахнет фиалками и нафталином.

— Мадам Бо-Напард! — воскликнула она, всплеснув руками. — Какая честь! Мы слышали о вашем… приобретении. Весь Париж говорит.

Элоиза улыбается, садится в кресло у трюмо. Она знала, что вчерашний аукцион был не просто покупкой. Это был выстрел. И Париж его услышал.

Хана замирает у стены — горничная, вешалка, тень.

— Вы так любезны, мадам Фурнье. Мне нужна шляпка. Лёгкая. К весне.

— О, весна! — мадам вздыхает, подавая коробку. — Боюсь, весна будет тревожной. Мой муж, он служит в министерстве… говорит, немцы снова шумят. Эти их манёвры…

Элоиза примеряет шляпку, смотрит в зеркало.

— Немцы всегда шумят.

— Но не так, мадам! Не так! — мадам наклоняется ближе, понижая голос. — Говорят, в Эльзасе видели их офицеров. Переодетых. Под видом торговцев. И в Париже… — она оглядывается на дверь, — в Париже тоже.

Хана не шевелится. Только глаза скользнули — на лорнет, на руки мадам, на коробки на столе.

— Переодетых? — Элоиза чуть поворачивает голову, поправляет шляпку. — Торговцами чего?

Тканей, мадам! Тканей и кружев. Настоящее немецкое кружево, а выдают за бельгийское. Мой кузен, он таможенник в Страсбурге, говорит…

Мадам замолкает, спохватившись. Потом машет рукой.

— Но вы не слушайте старую сплетницу. Вам идёт сиреневое. Очень.

Элоиза снимает шляпку, кладёт на бархатную подушку.

— Я возьму её. И ещё серую, с вуалью. Вон ту.

Хана делает шаг вперёд. Спокойно, без спешки.

— Мадам, разрешите подержать.

Она принимает коробки. Её пальцы скользят по ленте, завязывающей коробку, и в этот же миг — неуловимое движение: край ленты поддевается, подкладка коробки приподни-

мается. Хана заглядывает внутрь — туда, где под шляпкой лежит счёт. Но не на сумму, а на имена. Мадам Фурнье пишет их на бланках: клиенты, заказы, адреса доставки.

Хана опускает коробку, поправляет ленту. Всё на месте. Никто не заметил.

— Заверните, — говорит Элоиза. — И пришлите в отель.

— О, разумеется, мадам Бо-Напард! — мадам снова сияет.

За дверью мастерской Элоиза остановилась, поправила шляпу — только что купленную, сиреневую.

— Теперь нам нужны перчатки, — сказала она. — И чулки. И желание вернуться в отель.

Они прошли ещё две улицы, заглянули в три магазина. Ничего не купили. Только смотрели, примеривали, откладывали. К полудню Элоиза почувствовала, что ноги гудят.

— Хватит. Возвращаемся.

В номере её уже ждал накрытый столик и доставленные покупки. Хана сняла шляпу, положила на кресло.

— Распакуй, — сказала Элоиза. — Но не прячь. Если спросят — мы ходили за покупками.

Она прошла к окну, закурила.

— А теперь, — она выпустила дым в потолок, — показывай, что передал мальчишка.

Хана кивнула. Расстегнула рукав. Достала маленький, свёрнутый в трубочку клочок бумаги. Протянула Элоизе.

Та взяла, развернула. Прочитала. Лицо не изменилось.

— Что там? — спросила Хана.

— Не здесь, — ответила Элоиза. — Завтра.

Она подошла к столику, взяла фарфоровую кошку. Повертела в руках. Поставила обратно — не на то место, а чуть ближе к краю. Хана заметила, но ничего не сказала.

— Завтра мы едем в Руан. На вокзал. Дневным поездом.

— А покупки?

— Оставь здесь. Пусть думают, что мы вернёмся.

Она подошла к окну, спиной к Хане.

— Хана, ты знаешь, что делать.

— Слушаюсь, — ответила та.

Элоиза выпустила дым в потолок.

— А теперь помоги мне снять эту броню. Корсет.

Шёлк упал к её ногам. Война на сегодня закончилась.

Этот долгий, сумасшедший день наконец-то подходил к концу, уступая место той самой ночи, которая должна была решить всё.

Глава 3. Ночь в "Рице"

В номере горела только настольная лампа. Золотой свет ложился на кресло, на край кровати, на руку Элоизы, которая лежала на подлокотнике.

Она была в пеньюаре — кружевном, почти прозрачном, с шёлковыми лентами. Волосы распущены. Без корсета, без туфель. Маленькая ступня касалась ворса ковра.

Хана сидела напротив, в кресле у окна. На ней — ночная сорочка без кружев и тёмный халат, затянутый на все пуговицы. Даже здесь, даже ночью — никакой расслабленности.

— Завтра к полудню подадут мотор, — произнесла Элоиза. Она не спрашивала, не приказывала — она просто назвала то, что должно случиться.

— Шофёра наняла?

— Да, мадам, — голос Ханы был ровным, будничным. — Ветеран кампании в Индокитае. Француз.

— Надёжен?

— Дорого заплачено.

Элоиза усмехнулась, выпуская дым в потолок. Ей не нравилось это «дорого заплачено». В их мире это означало ровно одно: человека можно перекупить.

— Поезд во сколько?

— В пятнадцать тридцать, мадам.

В дверь постучали. Негромко, почтительно, ровно на-

столько, чтобы быть услышанным, но не нарушить покой.

Хана встала. Неспешно одёрнула халат — не потому, что в этом была необходимость, а потому, что так полагалось. Подошла к двери, открыла.

В коридоре стоял портье — в ливрее, с серебряным подносом в руках. На подносе лежал небольшой конверт из плотной бумаги.

— Для мадам Бо-Напард, — сказал он, чуть склоняя голову. — Служба городской доставки.

Хана взяла конверт, не глядя на портье, и закрыла дверь. Вернулась к креслу, остановилась напротив Элоизы.

— Билет, — сказала она, протягивая конверт.

Элоиза не взяла. Только кивнула.

— Вскрой.

Хана аккуратно сломала сургучную печать, достала лист тонкой бумаги. Прочитала.

— Первый класс. Отдельное купе.

— Имя? — Элоиза даже не повернула головы, разглядывая дым, поднимающийся к потолку.

— Бо-Напард, — ответила Хана.

— Хорошо, — Элоиза всё же повернулась к ней. Взгляд скользнул по конверту, по билету, по лицу Ханы. — Едешь ты.

Хана не удивилась. Только положила билет на столик.

— Как прикажете, мадам.

Элоиза затушила сигарету, откинулась в кресле.

— Хана.

— Да?

— Там, в Руане, будь внимательна.

— Всегда, — ответила та.

Тёплое осеннее утро вползло в номер медленно, не спешило осветить все потаённые углы парижским светом.

Элоиза уже была на ногах. Волосы убраны, корсет затянут, но халат поверх — ещё не одета полностью. Она ходила по номеру, открывала шкафы, выдвигала ящики комода.

Хана сидела в кресле. В своей ночной сорочке, в тёмном халате. Ждала.

— Вставай, — сказала Элоиза, не оборачиваясь. — Времени мало.

Хана встала.

Номер был завален. Шляпные картонки громоздились на стульях, на столике, на полу. Платья — в чехлах, на плечиках — висели на шкафу, на спинках кресел, на дверной ручке. Коробки из-под перчаток, лент, кружев. Всё то, что Элоиза привезла с собой, теперь заполнило комнату.

Элоиза подошла к шкафу, выдвинула ящик. Достала платье — тёмно-зелёное, шерстяное, с узкой юбкой.

— Это, — сказала она, протягивая Хане. — Примерь.

Хана взяла. Посмотрела на платье, на хозяйку.

— Мадам, это ваше.

— Теперь твоё.

— Оно мне велико.

— У тебя есть руки. Зашьёшь.

Хана молчала. Элоиза уже рылась в другой коробке, доставала шляпку.

— И это, — бросила она через плечо. — Серое. С вуалью.

— Мадам…

— Что?

— Я не могу ехать в вашем платье. И под вашим именем.

Элоиза повернулась к ней резко.

— Можешь. Ты едешь в Руан. Ты — Бо-Напард. Я остаюсь здесь. Но действовать потом ты будешь от себя, не забудь собрать свои вещи, а то встречи не будет.

Хана сжала губы.

— Меня узнают, в вашем платье.

— Не узнают. Ты всегда была незаметной. В этом и сила. Надень шляпу с вуалью — никто не увидит лица. Скажешь пару слов — никто не услышит голоса. Ты — это я. Для тех, кто будет смотреть.

— А вы?

— А я остаюсь. Доделаю то, что начала. И жду приглашение на ужин.

Хана посмотрела на платье в своих руках. Потом на хозяйку.

— Вы всё продумали.

— Я всегда всё продумываю.

Элоиза подошла к ней, поправила воротник платья — хотя он и так лежал ровно.

— Ты готова?

— Нет, но от нас зависит многое и именно сейчас, — ответила Хана.

— Вот и хорошо.

Элоиза отошла к окну, закурила.

— Мотор должен быть подан к двенадцати. Сейчас без четверти.

Хана взглянула на часы на каминной полке.

— Я не успею перешить.

— Не надо перешивать. Затяни пояс. Накинь пальто. Сделай вид, что так и задумано.

— Мадам…

— Хана, — перебила Элоиза, не повышая голоса. — Ты едешь под моим именем. Ты должна выглядеть. Не для меня — для них. Поняла?

Хана кивнула.

— Поняла.

Она сбросила халат, оставшись в ночной сорочке. Начала одеваться. Быстро. Без лишних движений. Платье село неловко — в плечах жмёт, в талии болтается. Она затянула пояс, как велели.

Элоиза наблюдала из кресла, курила.

— Шляпу не забудь. Серую. С вуалью.

Хана надела шляпу. Опустила вуаль. В зеркале отражалась чужая женщина — не она.

— Кто я теперь? — спросила она тихо.

— Элоиза Бо-Напард, — ответила та, не меняясь в лице. — На один день. Не подведи.

В дверь постучали.

— Автомобиль подан, — сказал голос за дверью.

Хана застегнула последнюю пуговицу дорожного платья.

— Мадам, экспресс на Руан отходит в три тридцать. Мы прибудем слишком рано.

Элоиза затянулась сигаретой, глядя на Вандомскую площадь сквозь прозрачную занавеску.

— Мы прибудем вовремя, Хана. Мы не поедем к вокзалу напрямую. Шофёр покатает нас по бульварам. Нам нужно собрать за собой всех ищеек Парижа, покружить у них на глазах, а к трём часам пригнать к Сен-Лазар. Пусть думают, что мы бежим вместе и в спешке.

Элоиза встала. Подошла к Хане, поправила вуаль.

У подъезда ждал автомобиль.

Чёрный, лакированный «Panhârd-Levaççor». Солнце играет на боку — блики скользят по металлу, дразнят прохожих.

Шофёр застыл у дверцы. Тёмная ливрея, фуражка с козырьком, руки в перчатках — всё, как и должно быть у отставного военного. Спина прямая — не прогнёшь.

Он смотрит на дверь отеля. Ждёт.

Из дверей вышла Хана.

Остановилась на ступенях. Окинула улицу цепким взглядом, кивнула в сторону двери.

Мужчина в цилиндре замер с газетой. Не читает — смот-

рит на неё. На талию, обтянутую чужим зелёным платьем. На пальцы, сжимающие сумочку.

Ничего. Просто женщина.

И следом на пороге отеля возникла Элоиза. Вспышка изумрудного шёлка мгновенно заставила наблюдателя забыть о Хане.

Он перевёл взгляд на неё, поражённый этой царственной осанкой и надменным блеском светлых глаз. Сигара в его руках медленно тлела, как и он, провожая двух дам в зелёных платьях до ослепительно чёрного мотора, который стоял, урча всеми своими лошадиными силами на тротуаре.

Портье у двери вытянулся. Элоиза прошла мимо, даже не повернув головы в его сторону, только шлейф духов — горьких, тёплых — ударил в нос. Портье втянул воздух, будто пьёт.

— Автомобиль подан, мадам.

Элоиза кивнула. Она знает, что все смотрят и им это на руку. Пусть запомнят нас, пусть потом расскажут всему Парижу, как мы отбывали на станцию.

Шофёр открыл дверцу.

Элоиза и Хана сели. Мотор зарычал, и они растворились в потоке экипажей.

Мужчина с газетой так и остался стоять с потухшей сигарой. Портье выдохнул — медленно, с присвистом, будто нёс тяжёлое.

Обоих мужчин кольнула зависть. К шофёру. К мотору. К

любому, кто будет рядом с ней следующие несколько часов.

Вокзал Сен-Лазар. День, который катится к закату.

Шум, толпа, паровозный пар. Носильщики в синей форме расталкивают публику. Дамы в шляпах, мужчины с газетами. Кто-то спешит, кто-то машет платком уходящему поезду.

Элоиза и Хана стоят у вагона первого класса. Носильщик поставил саквояж, получил монету и исчез.

— Билет, — говорит Хана.

Элоиза протягивает конверт. Хана берёт, не глядя.

— Хана.

— Да?

— Там, в Руане…

— Я знаю.

Хана поднимается на подножку. Оборачивается. Взгляд скользит по перрону — чисто, без слежки. И замирает. В толпе. Метрах в двадцати. Тот мужчина. С выставки. Всё тот же костюм. Всё та же шляпа. Он не двигается. Просто стоит и смотрит. Прямо на них.

— Элоиза, там он, — шепчет она. Впервые — без «мадам». Впервые — не ровным голосом. Впервые — страх.

Элоиза не оборачивается. Стоит, как вкопанная. Сердце колотится где-то в горле. Паника накрывает липкой, холодной волной.

— Он нас видит, — слышит она голос Ханы. — Он знает.

Мужчина не уходит. Смотрит. Улыбается? Или просто смотрит — не разобрать.

Хана хватается за поручень, её лицо — белое полотно.

— Зачем он здесь? — голос срывается на шёпот.

Элоиза молчит. Она не знает. Но внутри всё обрывается.

Через холодный, парализующий страх прорывается голос носильщика:

— У вас всё?

— Да.

Хана кивает. Заходит в вагон, дверь закрывается, поезд дёргается. Лязг металла. Вагон медленно плывёт мимо. Поезд набирает ход.

Элоиза остаётся на перроне. Смотрит на дверь, за которой скрылась Хана. Поправляет перчатку. Уже хочет уходить. Оборачивается и вздрагивает: мужчина бесшумно вырос прямо за её спиной, отрезая путь к выходу.

— Добрый день, мадам, — он приподнял шляпу и прошёл мимо.

Элоиза медленно идёт к выходу. Не оглядывается. Но спиной чувствует — он смотрит. Всё ещё смотрит.

Он остался на перроне. Застыл не двигаясь, пока её изумрудный шёлк не растворился в толпе.

Глава 4. Охотница.

Отель «Терминус» стоял напротив вокзала Сен-Лазар, и его окна выходили на пути, откуда только что ушёл поезд, увозящий Хану. Элоиза сняла номер на втором этаже — не люкс, не апартаменты, просто комнату с видом на крышу.

Здесь не было мрамора и лепнины. Обои в цветочек, продавленный диван, тяжёлые портьеры, пахнущие табаком и чужими судьбами. Но чисто. И тихо.

Она стояла у окна, курила. Смотрела на дым, который тянуло в форточку. За стеклом — суета. Кто-то приехал, кто-то уехал, носильщики таскали багаж.

Никто не смотрел наверх.

Она докурила, затушила о край подоконника. Отошла к столику, взяла бутылку коньяка, но передумала и поставила обратно. Случайно задела бокал — он со звоном покатился по полу, к счастью, не разбился. Подняла его, принялась греть стекло в ладонях.

«Доехала ли?» — подумала она. Поезд ушёл днём. Сейчас уже вечер. Хана должна быть на месте. Должна. Если только… Элоиза оборвала мысль. Нельзя думать о плохом. Не сейчас.

Она поставила бокал, подошла к окну снова. Вокзал внизу жил своей жизнью — приезжающие, уезжающие, прощающиеся. Никто не знал, что одна из них сейчас в пути. Никто

не знал, что от неё зависит слишком многое.

«А что, если её уже взяли? — пронеслось в голове. — Что, если тот мужчина…»

Она отогнала страх. Хана умна. Хана осторожна. Хана не подведёт. Но сердце всё равно колотилось где-то в горле.

«Я одна, — поняла она вдруг. — На несколько дней. Может быть, на неделю. А если связь прервётся? Если она не сможет дать знать о себе?»

Элоиза закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

«Справлюсь. Я должна».

Телеграмма пришла на следующее утро. Служащий отеля постучал ровно в девять, протянул конверт на серебряном подносе.

— Для мадам Бо-Напард.

Элоиза взяла, не глядя на него. Закрыла дверь. Вскрыла конверт ножом для писем — тонким, с костяной ручкой.

«Маркиз Гастон де Галиффе приглашает вас на вечер в честь своей племянницы, мадемуазель Сильви де Галиффе. Четверг, 20 часов. Особняк на улице Гренель. Имя мадам Бо-Напард будет сообщено охране. Просим подтвердить участие».

Подписи не было. Только герб. И приписка от руки — чужим, незнакомым почерком: «Жду с нетерпением».

Элоиза перечитала дважды. Потом поднесла бумагу к окну, посмотрела на свет. Ни водяных знаков, ни шифра. Обычное приглашение.

«Кто это написал? — подумала она. — Сам маркиз? Или тот, кто хочет, чтобы я там оказалась?»

Она положила письмо на стол, налила коньяк. На этот раз выпила.

— Ну что ж, — сказала она пустой комнате. — Посмотрим, кто кого.

«А что, если это ловушка?» — мелькнула мысль. Она тут же подавила её. Ловушка или нет — у неё нет выбора. Приём — единственный способ приблизиться к маркизу. А маркиз — ключ ко всему.

Она подошла к окну, посмотрела на крыши Парижа. Где-то там, далеко, в Руане, Хана уже начала свою игру. А здесь, в этой комнате, начиналась её.

Элоиза готовилась два дня.

Платье — бордовое, почти кровавое, с открытыми плечами и глубоким вырезом. Бархат переливался в свете свечей, ткань струилась, падала тяжёлыми складками к полу. Она знала: мужчины будут смотреть, женщины — обсуждать за спиной. Это и нужно.

Украшения — ожерелье с крупными рубинами, серьги с бриллиантами, тяжёлый старинный браслет на левой руке. Драгоценности не прятались — они кричали своей яркостью и роскошью.

Туфли — на высоком каблуке. Чёрные, лаковые.

Шляпка — маленькая, без полей, с вуалью. Вуаль поднята. Пусть видят лицо. Яркая косметика, её должны запом-

нить, о ней должны говорить, шептаться в углах, завидовать, распускать сплетни.

Что там с этой чертовой Ханой? Почему молчит?

Элоиза до боли сжала кулак. Хватит. Только не на приёме.

В четверг в семь вечера мотор ждал у подъезда. Шофёр — в тёмной ливрее, фуражка с козырьком, лицо ничего не выражает. Куплен. Надёжен. Или нет? Элоиза не думала об этом. Она придёт. Она победит. Или проиграет. Но не побежит.

Она села, назвала адрес. Мотор зарычал.

Дорога заняла четверть часа. Элоиза смотрела в окно — на огни, на прохожих, на парижские улицы. Никто не следил. Или она просто не замечала.

Особняк на улице Гренель — большой, старый, с коваными воротами и двором, вымощенным брусчаткой. У входа двое лакеев в ливреях. Один помог выйти, второй проверил приглашение.

— Мадам Бо-Напард? Прошу.

Она шагнула внутрь.

Вестибюль сиял. Люстры, зеркала, мраморный пол. Пахло цветами и дорогими духами. Гости — в смокингах, в платьях с открытыми плечами, в драгоценностях. Гул голосов, звон бокалов, смех.

Элоиза не спешила. Взяла бокал шампанского с подноса, сделала вид, что пьёт. Оглядела зал.

Племянница — мадемуазель Сильви — стояла у ками-

на, окружённая молодыми офицерами. Белое платье, светлые волосы, жемчуг. Ей лет восемнадцать. Она улыбается, но глаза скучают.

Гастона де Галиффе не было видно. Элоиза знала, что он здесь. Она чувствовала его присутствие — тяжёлое, маслянистое, как запах прогорклого масла. Его все боялись. Его ненавидели. Но он был военным министром, и двери его дома открывались перед теми, кто хотел власти. Или боялся её потерять.

Элоиза двинулась вдоль стены, рассматривая гостей. Старики с орденами, дамы с высокими причёсками, несколько иностранных дипломатов — она узнала их по манерам, по тому, как они держат бокалы.

И вдруг толпа расступилась.

Маркиз Гастон де Галиффе.

Он был ниже, чем она ожидала. Коренастый, с тяжёлой челюстью и маленькими, заплывшими глазами. Седая щетина, мясистый нос, красные прожилки на щеках. Фрак сидел на нём мешком, орден Почётного легиона болтался на лацкане, как игрушка. Рядом с ним — жена. Высокая, худая, с лицом, напоминающим старую лошадь. Она смотрела в пространство, ни на кого конкретно, и улыбалась так, будто её заставляли.

Элоиза не отвела взгляд. Маркиз заметил её. Остановился. Посмотрел долго, с головы до ног, раздевая глазами. Она выдержала. Улыбнулась краешком губ.

— Мадам? — спросил он, подходя ближе. Голос скрипучий, как несмазанная дверь.

— Элоиза Бо-Напард, — представилась она. Ни титула, ни реверанса. Только взгляд.

— О, та самая, — он осклабился. — С мотором. Весь Париж о вас говорит.

— Надеюсь, только хорошее, — ответила она.

— Лучшее, мадам, — он повернулся к жене. — Адель, познакомься. Это мадам Бо-Напард. Та самая, с мотором. Адель — маркиза де Галиффе-Монморанси. Но вы, мадам, зовите её просто Адель. Ей так больше нравится.

Маркиза чуть нахмурилась, но промолчала. Элоиза заметила, как дёрнулись её пальцы на веере. Она сделала вид, что не заметила.

— Очень приятно, маркиза. Тогда зовите меня Элоиза.

— Взаимно, мадам, — ответила та.

Маркиз уже увлёк Элоизу дальше, не дожидаясь ответа. Жена осталась стоять у колонны, провожая их взглядом. Элоиза не обернулась. Она поняла: маркиза здесь никто. Просто мебель. И маркиз не упускает случая это подчеркнуть.

— Позвольте, я покажу вам наш скромный дом.

Они пошли. Он говорил, но она почти не слушала. Залы, гостиные, картинная галерея. Он рассказывал о полотнах, о предках, о политике. Она кивала, улыбалась, не позволяла себе ни одного лишнего движения.

В полночь он увлёк её в малую гостиную. Там никого не было. Только камин, кресла и запах старого табака.

— Вы очаровательны, мадам, — сказал он, усаживая её на диван. Сам сел рядом, слишком близко.

— Вы любезны, маркиз.

— Я не любезен. Я честен. — Он наклонился к ней. Пахло коньяком, табаком, потом. — Я всё о вас знаю.

— Неужели? — Элоиза не отстранилась.

Он замер. Она взяла его руку.

— Вы много работаете, маркиз. Вам нужен отдых.

— Вы предлагаете?

— Я предлагаю внимание. И доверие. — Она опустила глаза, потом снова подняла — медленно, с лёгкой, почти невинной улыбкой. Кончики пальцев чуть сжали его ладонь.

Маркиз сглотнул. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, потом опустился ниже — на вырез платья, туда, где бархат расходился, открывая ложбинку. Замер. Нервно провёл языком по губам.

Элоиза не отстранилась. Не убрала руку. Только чуть повернула голову, позволяя свету упасть на шею, на ключицы. Её дыхание было ровным. Ни одного лишнего движения. Ни одного лишнего слова.

Она знала, что он видит не её — он видит то, что хочет увидеть. Игральную кость, которую можно выбросить, когда надоест.

— Вы опасны, мадам, — сказал он хрипло.

— Я просто женщина, которая умеет хранить тайны, — ответила она тихо, чуть наклонив голову. Голос — как шёлк, как обещание, как прикосновение. В нём было всё: и тепло, и опасность, и лёгкая насмешка над тем, кто думает, что может её раскусить.

Маркиз замер.

Она знала: он клюнул. Он клюнул на то, что она — загадка, которую он никогда не разгадает. А загадки заводят сильнее, чем декольте.

Она медленно высвободила пальцы, поднялась.

— Благодарю за вечер, маркиз.

Он не нашёлся, что ответить.

Элоиза вышла, не оглядываясь. На пороге, уже в дверях, бросила взгляд через плечо — короткий, спокойный. Не победный. Не вызывающий.

Простой. Как будто ничего не случилось.

Но он запомнит. Они всегда запоминают.

Она вышла из особняка под утро. Мотор ждал. Шофёр дремал на сиденье. Увидев её, выпрямился.

— В отель, — сказала Элоиза.

Всю дорогу она молчала. Праздник продолжался всю ночь — маркиз не отпускал её ни на шаг, водил по залам, знакомил с женой (скучной, высокомерной), с какими-то генералами, банкирами, стариками в орденах. Она улыбалась, кивала, запоминала имена. Ни одного нужного лица. Те, кто ей были нужны, оказались в Лондоне.

Она устала. Не физически — душой. Устала улыбаться, устала играть, устала чувствовать на себе его маслянистый взгляд. Но дело было сделано. Маркиз клюнул. Леска заброшена. Теперь — ждать, когда он сам потянет за неё.

Глава 5. Два письма.

Утро в отеле «Терминус» было серым и тихим. Элоиза спала плохо — ворочалась, просыпалась от каждого скрипа половиц. Под утро забылась, но сон был тяжёлым, без сновидений.

Стук в дверь разбудил её. Резкий, настойчивый.

Элоиза села на кровати, провела рукой по лицу.

— Да?

— Вам письмо, мадам, — голос коридорного был равнодушным, будничным.

Она встала, накинула халат, подошла к двери. Приоткрыла. Коридорный протянул конверт — простой, без гербов, без пометок. Она взяла, кивнула, закрыла дверь.

Вскрыла дрожащими пальцами.

Внутри — листок бумаги, вырванный из блокнота, с неровными краями. Знакомый почерк. Хана.

«Возвращайся. Хватит себя мучить. Не живи в этом отеле — это не твоё место. Мотор оставь у вокзала. Я буду вечером. На моторе. Не жди меня раньше — будут дела. Но я приеду».

Элоиза перечитала дважды. Прижала листок к груди.

— Жива, — прошептала она.

Она подошла к окну. Вокзал внизу жил своей жизнью — поезда приходили и уходили, люди спешили по своим делам.

Никто не знал, что сейчас она готова разреветься от облегчения.

Элоиза выпрямилась, вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Мотор оставить у вокзала, — сказала она пустой комнате. — Вечером. На моторе.

Она подошла к столу, налила коньяк. Выпила залпом.

«Риц» — это риск. Но Хана сказала возвращаться. Значит, так надо.

Она начала собираться.

Элоиза оделась просто — тёмное пальто, никаких украшений, шляпа с вуалью, опущенная на лицо. Настоящая парижанка, каких тысячи. Никто не обернулся, когда она вышла из отеля. Никто не проводил взглядом.

Она взяла дешёвый экипаж — старый, с потёртым сиденьем, лошадь еле плелась. Кучер даже не спросил, кто она. Заплатила монетой, не глядя.

У входа в «Риц» — ни охраны, ни швейцара, ни одного любопытного взгляда. Она прошла через холл быстрым шагом, опустив голову. Портье у стойки поднял глаза, но не узнал. Или сделал вид.

Номер встретил её запахом цветов — свежих, дорогих. На столике у окна — два конверта.

Элоиза сбросила пальто, села в кресло. Вскрыла первый.

Герб маркиза. Бумага с золотым обрезом. Крупный, размашистый почерк — будто писал в спешке, но старался.

«Мадам, вчерашний вечер стал украшением моего дома. Вы — редкая женщина. Ваш ум, ваша красота, ваш вкус… Я надеюсь, это не последняя наша встреча. Я буду ждать вашего ответа. Ваш покорный слуга, Гастон де Галиффе».

Элоиза отложила письмо, не улыбнувшись. Она ожидала этого.

Второе. Простой конверт, без герба, без обратного адреса. Та же бумага, что и в прошлый раз. Тот же незнакомый почерк.

«Мадам Бо-Напард. Нам так и не удалось познакомиться вчера вечером. Вы скрылись с маркизом раньше, чем я успел подойти. Это было невежливо. Но, как я понял, у вас были другие планы. Я всё видел. Я многое понимаю. Жду новой встречи. Без свидетелей».

Ни подписи. Ни намёка на имя. Только буквы — ровные, холодные, как лёд.

Элоиза сжала письмо в кулаке.

«Он всё видел. Он знает. Он даёт понять, что знает».

Она подошла к окну. Париж внизу сверкал огнями. Где-то там, среди этих огней, — он. Тот мужчина. Следит. Ждёт.

«Жду новой встречи. Без свидетелей».

Элоиза выпрямилась.

— Придётся идти, — сказала она тихо. — Но не одной.

Она подошла к столу, взяла перо, начеркала записку маркизу: короткую, тёплую, ничего не обещающую. Отложила в сторону.

Второе письмо спрятала в ящик комода. Не выбросила.

Теперь — ждать. Хана сказала: «Я скоро буду». Но что значит «скоро»? Час? Два? День?

Элоиза села в кресло, закурила. Время тянулось медленно, как патока. Она вставала, подходила к окну, садилась снова. За окном ничего не происходило. Париж жил своей жизнью, равнодушный к её тревоге.

Она докурила, затушила сигарету. Закрыла глаза. Всего на минуту. Просто чтобы не думать.

И тут — стук в дверь. Не тот, что утром. Другой. Короткий, уверенный. Так стучит только один человек.

Элоиза вскочила. Бросилась к двери, распахнула.

Хана.

Стоит на пороге — как всегда, строгая, собранная, в сером пальто. Лицо ничего не выражает. Но глаза — живые, цепкие, свои.

Элоиза не сдержалась. Схватила её за плечи, притянула к себе, обняла крепко, до хруста. Хана на секунду замерла, потом прижалась — коротко, скупо, едва коснувшись щекой. И тут же отстранилась.

— Жива, — выдохнула Элоиза. — Жива.

— Я же сказала: я приеду, — ответила Хана. Голос ровный, но в уголках губ что-то дрогнуло.

Элоиза отпустила её, отступила на шаг. Вгляделась в лицо. Хана выглядела как всегда — безупречно собранной. Но под глазами залегли тени, а складка у рта стала глубже.

— Ты не спала? — спросила Элоиза.

— Двое суток, — ответила Хана. — Но это не важно. Важнее другое.

Она прошла в номер, остановилась у стола. Достала из рукава конверт — простой, без гербов, без обратного адреса.

— Сначала это, — сказала она, протягивая Элоизе.

Элоиза схватила конверт, вскрыла дрожащими руками. Внутри — только две строчки. *«21:00. Мулен Руж».* Ни подписи. Ни намёка на отправителя. Элоиза подняла глаза. Брови чуть сдвинуты — недоумение, тревога, вопрос.

— Это всё?

Хана выдержала её взгляд. Лицо спокойное, но в глазах — тени. Она молчала секунду, другую. Потом сухо, будто отрезая:

— Всё, мадам.

— Кто передал?

— Мальчишка. На вокзале. — Хана усмехнулась уголком губ, но усмешка вышла кривая, невесёлая. — Сказал, что для вас.

Элоиза подалась вперёд, оперлась ладонями о стол.

— И ты не спросила, кто?

Хана вздёрнула подбородок. В глазах — ни вызова, ни страха. Просто усталость.

— Спросила. — Она на секунду прикрыла веки, будто отгоняя воспоминание. — Он не знает. Или не говорит.

Помолчала. Потом добавила тише, глядя куда-то в угол:

— Адрес ничего хорошего не обещает.

Элоиза сжала письмо в кулаке. «Мулен Руж». Кабаре. Толпа, музыка, полумрак. Место, где легко затеряться. И где легко попасть в ловушку.

— Что ж, — сказала она. — Значит, в девять.

— Я буду ждать у входа.

— Нет. — Элоиза покачала головой. — Ты будешь внутри. В толпе. Чтобы видеть, кто войдёт.

— А вы?

— А я пойду одна.

Хана не спорила.

Элоиза опустилась в кресло. Помолчала. Потом подняла глаза.

— Теперь рассказывай. Что в Руане?

Хана села напротив. Сложила руки на коленях — привычный жест.

— В Руане всё сложно, — сказала она. — Я нашла того, кто нам нужен. Он согласен помочь. Но он осторожен. Очень осторожен.

— Он знает, кто мы?

— Догадывается. Но ему всё равно. Ему нужно то же, что и нам.

Элоиза кивнула.

— Ты молодец, — сказала она тихо.

Хана не ответила. Только плечи чуть расправились.

Они замолчали. За окном темнело. Через три часа Париж

зажжёт огни, и «Мулен Руж» откроет двери.

Глава 6. Мулен Руж.

— Ты не можешь идти в сером, — сказала Элоиза, окидывая взглядом Хану. — В «Мулен Руж» ты должна быть одной из них.

— Кем — «них», мадам?

— Куртизанкой. Девушкой, которая пришла искать мужское внимание и большой кошелёк. Короткая юбка, чулки, открытые плечи, яркая помада. Никто не запомнит твоего лица — таких там сотни.

Она подошла к шкафу, выдвинула ящик. Достала платье — короткое, пышное, из дешёвого блестящего шёлка. Кричаще-розовое, почти вульгарное.

— Это. Примерь.

Хана взяла, посмотрела на хозяйку.

— Вы уверены, мадам?

— Ты должна слиться с толпой. Не выделяться. Не привлекать внимания. Сидеть с бокалом, улыбаться, смеяться, делать вид, что ты пьяна. Твои глаза — на зале. Никто не должен догадаться, что ты работаешь.

— А вы?

Элоиза усмехнулась. Выдвинула другой ящик, достала платье — алое, почти кровавое. Длинное, до пола. Открытые плечи, глубокий вырез. Бархат переливался в свете свечей.

— А я буду в центре внимания. Меня должны видеть. Ме-

ня должны запомнить. Все взгляды — на меня. Вся опасность — на меня.

Она подошла к зеркалу, приложила платье к себе.

— Я — та, ради кого весь этот балаган. А ты — моя тень в толпе. Не подходи. Не смотри в мою сторону. Если начнётся стрельба — ты падаешь и не встаёшь, пока не услышишь мой голос.

Хана кивнула. Начала одеваться. Молча. Быстро.

— Хана, — сказала Элоиза.

— Да, мадам?

— В Руане всё в силе?

Хана помолчала, поправила ленту на платье.

— Тот, кто нам нужен, согласен. Через три недели — встреча. Но не здесь. В Руане.

— В Руане? — Элоиза приподняла бровь. — Зачем?

— Там безопаснее. Своя территория. Нас не будут искать.

— Или будут, — усмехнулась Элоиза. — Но ты права. «Мулен Руж» — это только разминка. Главное — впереди.

Хана кивнула.

— Ещё он сказал — начала она, но не договорила.

В дверь номера постучали. Хана и Элоиза переглянулись. Элоиза пошла открывать дверь, руки слегка дрожали.

— Для вас, мадам, экипаж у подъезда, — голос швейцара был натянуто вежливым.

— Ты успеешь закончить доклад?

— Нет, — ответила Хана. — Это долго. И не здесь.

— Тогда потом.

Элоиза взяла сумочку, поправила шляпку.

— Мы выходим через десять минут. Мотор внизу. Я поеду на моторе. Ты — на экипаже. Мы не должны приезжать вместе.

— Я помню.

— И помни — ты не Хана. Я не мадам. Ты — девушка, которая ищет богатого покровителя. Пей, смейся, танцуй. И смотри.

— А вы?

Элоиза усмехнулась.

— А я — та, ради кого весь этот фейерверк.

Она взяла перчатки, надела их медленно, не спеша. Поправила кружева на платье Ханы. Что их ждёт в «Мулен Руж», никто не знал.

Они вышли в коридор. Элоиза — к мотору, Хана — к экипажу. Темнело. Париж готовился к ночи.

После тёмных улиц Парижа «Мулен Руж» встретил Элоизу яркими огнями. Красные абажуры, жёлтые газовые рожки, блеск зеркал и золотая лепнина. Гул голосов, звон бокалов, смесь дешёвых духов, пота, сигарного дыма и ещё чего-то — бог весть чего. Толпа. Пёстрая, шумная, чужая.

Она остановилась на входе, окинула зал пристальным взглядом. На часах ровно девять. Ни его, ни Ханы пока не видно.

— Мадам, — раздался голос за спиной. Вкрадчивый, спо-

койный, чуть насмешливый. — Не хотите ли сесть за столик? Выпить шампанского?

Элоиза не обернулась. Шагнула вперёд, туда, куда её мягко, но настойчиво подталкивал невидимый спутник. Он вёл её через толпу, не касаясь, но так, что она не могла свернуть. Она подчинилась. Не сейчас. Потом разберётся.

Они сели за столик в углу. Отсюда виден весь зал — вход, сцена, лестницы. Отсюда удобно наблюдать.

Только тогда Элоиза повернула голову.

Тот мужчина. С выставки. С перрона. Всё тот же костюм, всё та же шляпа, та же лёгкая, почти незаметная улыбка.

Она смотрела на него, не отводя взгляда.

— Вы? — спросила она.

— Я, — ответил он. — А вы кого ждали?

Она промолчала.

Он подозвал официанта, заказал шампанское. Элоиза не возражала. Она разглядывала зал, искала Хану. В толпе мелькали пёстрые юбки, кружева, обнажённые плечи. Одна из них — розовая, короткая, вульгарная — пританцовывала у сцены. Элоиза узнала её. Не подала виду.

— Вы не спросите, зачем я вас позвал? — мужчина наклонился ближе. Запах табака, дорогого одеколона и ещё чего-то сухого, травяного.

— Зачем? — ровно спросила Элоиза.

— Поговорить, мадам. Только поговорить.

— Ах да, мадам, — он чуть склонил голову. — Я забыл

представиться. Артур Кроуфорд. К вашим услугам.

— Англичанин? — спросила Элоиза.

— Что меня выдаёт, мадам? Акцент или манеры?

— И то и другое, — ответила она, не улыбнувшись.

Он поднял бокал.

— За знакомство.

— Я не пью за знакомство с теми, кто за мной следит, — сказала Элоиза, но бокал взяла, отпила шампанское. Игра началась.

В это время к столику подплыла Хана. Платье — розовое, короткое, кружева, блёстки, чулки на виду. Она покачивала бёдрами, улыбалась, щурилась. От неё пахло дешёвым абсентом, табаком и потом.

— Месье, — она ткнула пальцем в плечо Артура. — Угостите даму шампанским? А то я сегодня ещё ни одного мужчины не разорила.

Она наклонилась, дохнула перегаром. Артур поморщился, но промолчал.

Хана перехватила руку Элоизы, когда та протягивала бокал. Сжала пальцы — коротко, сильно. Холодные руки. Всё в порядке. Я здесь.

— Какая интересная брошь, мадам, — сказала Хана, разжимая пальцы. — Настоящая?

— Подделка, — ответила Элоиза. — Как и многое здесь.

Хана отпустила её руку, выпрямилась.

— Так что, месье? Шампанское будет?

— Будет, — Артур кивнул официанту. — И для дамы тоже.

Официант принёс шампанское. Хана потянулась к бокалу, но Артур перехватил её руку.

— Я не приглашал вас садиться, мадемуазель.

— А мне и не нужно приглашение, — Хана улыбнулась, не убирая руки. — Я сама нахожу тех, кто угощает.

— Вы ошиблись, — Артур отпустил её запястье. — Я не ищу компании.

Он повернулся к Элоизе, давая понять, что разговор окончен. Но Хана не уходила.

Элоиза положила руку на плечо Ханы. Легко, почти невесомо.

— Она останется, — сказала она. — Она не помешает.

Артур поднял бровь. Посмотрел на Хану — на её вульгарное платье, яркую помаду, наглую улыбку. Потом перевёл взгляд на Элоизу.

— Вы доверяете этой девушке?

— Я доверяю ей свою жизнь, — ответила Элоиза. — Так что да.

Пауза. Артур взял бокал, отпил.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть остаётся. Но будет молчать.

Хана кивнула, села на стул, положила ногу на ногу. Взяла бокал, но пить не стала. Только смотрела. Слушала.

— Итак, мадам Бо-Напард, — Артур наклонился ближе.

— Поговорим.

— О чём?

— О том, кто вы на самом деле. О ваших друзьях в Руане. О том, почему ваша компаньонка вчера побывала в одном очень интересном месте.

Элоиза не дрогнула.

— Вы следили за ней?

— Я слежу за всеми, кто нам интересен, — Артур усмехнулся. — Это моя работа.

— Чья? — спросила Элоиза.

— Английской короны.

Он сказал это просто, без пафоса, без угрозы. Констатировал факт.

— Теперь ваш ход, мадам.

Элоиза взяла бокал, отпила шампанское. Не торопилась.

— Русской, — сказала она.

Артур не изменился в лице.

— Значит, мы по разные стороны, — он поднял бокал. — Как интересно.

— Это ничего не меняет, — ответила Элоиза. — У нас общий враг.

— Немцы?

— Они.

Артур кивнул.

— Это разговор не на один вечер, мадам.

Она посмотрела в зал — на танцующих, на смеющихся,

на пьяных. Хана сидела рядом, сжимая бокал. Пальцы у неё были ледяные. Только глаза — живые, цепкие, внимательные. Английский джентльмен пришёл один. Никто больше за ними не следил, никому не было до их компании дела.

— Ну что ж, приглашаем вас в «Риц» на чай или виски, прокатим с ветерком на моторе, — сказала Элоиза.

Артур усмехнулся, отставил бокал.

— С ветерком? Вы, мадам, только что признались, что работаете на русскую корону. Я — на английскую. А вы предлагаете мне прокатиться?

— Именно, — Элоиза не отвела взгляда. — Потому что война между нами — это именно то, чего ждут немцы.

Артур помолчал. Посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Хорошо. Я принимаю приглашение. Завтра. В полдень. «Риц».

— До встречи, мистер Кроуфорд.

Он поднялся, приподнял шляпу и растворился в толпе.

Хана выдохнула. Поставила бокал на стол, так и не притронувшись.

— Что вы делаете? — спросила она одними губами.

— То, что должна, — ответила Элоиза. — Завтра узнаем, кто он на самом деле.

Она взяла сумочку, поправила шляпку.

— Уходим. Порознь. Встречаемся в «Рице».

Хана кивнула. Исчезла первой — растворилась в толпе

танцующих, будто её и не было.

Элоиза вышла одна. Мотор ждал у входа. Ночной Париж дышал в спину.

Завтрашний день обещал быть долгим.

Глава 7. Встреча.

Мотор на улице Дефанс стоял ровно в полдень. Бо-Напард сдержала обещание прокатить Кроуфорда с ветерком. Та скорость, которую развивал автомобиль, ни с чем не могла сравниться. Он, как истинный английский джентльмен, ценил скорость и риск. Мотор давал и то и другое. А ещё — встречу. Элоиза, Хана — кто они на самом деле? Чарльз точно сказал: следи за ними.

Шофёр стоял около открытой двери, но не склонился в поклоне, как должно было быть. Артур уловил военную выправку.

— Где воевал, дружище? — Артур улыбался очень искренне.

— В Индокитае, сэр, — коротко ответил он.

— Знавал я Рене из сиамской стычки в 1893 году. Тебя как звать, военный? — спросил Артур, садясь в мотор.

— Ив Дюпон, — представился шофёр.

— Ив, ну что, прокати с ветерком, только останови у кондитерской. Там, недалеко от «Рица».

— Есть, сэр, — по-военному ответил Ив.

День был по-осеннему холодный, дул ветер, но Артур доехал до «Рица» с удовольствием.

У входа швейцар в ливрее распахнул дверь прежде, чем Артур успел взяться за ручку. Холл встретил его теплом, зо-

лотом и запахом дорогих духов — «Риц» не старался казаться роскошным, он просто им был.

Артур подошёл к стойке. Портье поднял глаза, узнал — или сделал вид, что узнал.

— Месье Кроуфорд? Вас ждут. Номер двенадцать. Механический подъёмник — направо.

Артур кивнул. Прошёл через холл к лифту — медная решётка, отполированное дерево, никакой спешки. Подъёмник дёрнулся и пополз вверх.

Через минуту он уже стоял перед дверью номера двенадцать. Постучал. Коротко, уверенно. Так, как стучат свои.

Хана открыла дверь, пригласила, сама прошла первой. Артур вошёл следом, огляделся, кивнул.

— Недурно, мадам. Вы живёте с комфортом.

— Я живу там, где мне удобно, — ответила Элоиза. — Садитесь, месье Кроуфорд. Разговор будет долгим.

Артур сел в кресло напротив. Хана подошла к столику с телефоном.

— Что будете пить, месье? — спросила она ровно.

— Виски. С двумя кубиками льда.

— Мадам?

— Коньяк. Как обычно.

Хана сняла трубку телефона, набрала номер портье.

— В номер двенадцать. Виски с двумя кубиками льда, коньяк, чай. И закуски. — Она положила трубку, не дожидаясь ответа.

— Вы знаете, мадам, — сказал Артур, — я в Париже уже три года. И каждый раз удивляюсь, как этот город умудряется быть одновременно самым красивым и самым грязным местом на свете.

— Вы говорите о его душе или об улицах? — спросила Элоиза.

— И о том, и о другом. Грязные улицы можно вымыть. А душу? Душа Парижа — это интриги, сплетни, заговоры. В этом городе невозможно дышать спокойно.

— Тогда зачем вы здесь? — Элоиза чуть склонила голову, разглядывая его.

— По долгу службы, мадам. И поверьте, я бы с удовольствием поменял Париж на Лондон. Но начальство считает иначе.

— Начальство редко ошибается, — усмехнулась Элоиза.

— Ошибается, — Артур осёкся. — Но об этом молчат.

Они замолчали. Хана стояла у окна, сложив руки на груди.

— Красивый вид, — Артур кивнул на окно. — Вандомская площадь — лучшее, что есть в этом городе.

— Вы сентиментальны, месье, — Элоиза усмехнулась краешком губ.

— Нет, мадам. Я просто устал. И хочу закончить этот разговор как можно быстрее.

Они ждали. Молчали. Слышно было только тиканье часов на каминной полке.

Через несколько минут в дверь постучали. Портье — в

ливрее, с серебряным подносом. Поставил на столик, разлил, поклонился и вышел. Хана проводила его взглядом, закрыла дверь.

Теперь можно говорить. Артур взял бокал, но не отпил.

— Итак, — он положил ногу на ногу. — Руан. Завод. Самолёты.

— Не просто самолёты, — Элоиза подалась вперёд. — Боевые самолёты. Секретный цех, который собирает моторы для военных машин. И эти моторы… они не французские.

— Немецкие, — сказал Артур.

— Да.

— Под видом гражданских?

— Под видом экспериментальных. Для авиасалонов. Для рекордов. Но чертежи… чертежи уходят в Берлин.

Артур кивнул, не удивляясь.

— Это я знаю. Мне нужно другое. Кто заказчик? Кто финансирует этот цех?

Элоиза посмотрела на Хану. Та не шевелилась. Только глаза скользнули по лицу Артура.

— Человек, которого вы ищете, — сказала Элоиза, — связан с немецкой разведкой. Он не гонится за деньгами. Ему нужны… гарантии.

— Гарантии чего?

— Что, когда начнётся война, его заводы не тронут. Что его люди останутся живы. Что он сможет работать и после.

Артур усмехнулся.

— Наивно.

— Возможно. Но он так думает.

Хана кашлянула. Элоиза взглянула на неё.

— Что-то хочешь добавить, Хана?

— Только то, что месье Кроуфорд не всё знает, — голос Ханы был ровным, почти скучающим. — В Руане есть ещё один цех. Подземный. Туда не пускают даже тех, кто работает на заводе.

Артур подался вперёд.

— Откуда вам это известно?

— Я была там, — сказала Хана. — Не в цехе. Рядом.

— И что вы видели?

— Вход. Охрану. Грузовики, которые приходят ночью. И людей, которые не говорят по-французски.

— Немцы?

— Возможно.

Элоиза повернулась к Артуру.

— Теперь ваш ход, месье. Что вам известно?

Артур помолчал, потом сказал:

— Этот цех — не просто сборка моторов. Там создают новый тип двигателя. Для истребителей. Чертежи — немецкие, но собирают их здесь, под видом французской продукции. А готовые самолёты уходят в Швейцарию. А оттуда — в Германию.

— И за всем этим стоит… — начала Элоиза.

— Наш общий знакомый, — перебил Артур. — Тот, кого

вы встретили в Руане. Я не знаю его имени. Но знаю, что он работает на Берлин. И что он очень осторожен.

Хана и Элоиза переглянулись.

— Значит, мы говорим об одном и том же человеке, — сказала Элоиза.

— Похоже на то, — Артур откинулся на спинку кресла. — Но мне нужно больше. Имена. Адреса. Даты. Без этого моё начальство не даст ход.

— А вам дадут? — спросила Хана. — Ход?

Артур посмотрел на неё долго, внимательно.

— Вы очень любопытны для служанки, мадемуазель.

— Я не служанка, — ответила Хана. — И вы это знаете.

— Знаю, — Артур усмехнулся. — Но не знаю, кто вы.

— Это не важно, — перебила Элоиза. — Важно, что мы можем помочь друг другу.

— Чем?

— Информацией. Связями. Доступом в те места, куда вы не пройдёте.

— А вы пройдёте?

— Уже прошла, — сказала Хана.

Артур кивнул.

— Хорошо. Я дам вам время. Неделю. Потом — встреча. Там, где скажу я.

— Мы будем ждать, — Элоиза встала, давая понять, что разговор окончен.

Артур поднялся, поправил пиджак.

— До скорого, мадам.

Он вышел. Хана закрыла за ним дверь.

— Он не доверяет нам, — сказала она.

— Он никому не доверяет, — ответила Элоиза. — Но он дал нам неделю. Это лучше, чем ничего.

Она подошла к окну, закурила наконец.

— Хана.

— Да, мадам?

— Ты уверена, что в Руане… что всё так, как ты сказала?

— Уверена, — ответила Хана. — Но кое-что я утаила.

— Что?

— Подземный цех не только собирает моторы. Там испытывают новые двигатели. В воздухе. Прямо над городом. Ночью.

Элоиза повернулась к ней.

— Ты видела?

— Слышала. И видела тени.

— Чьи тени?

— Самолётов. Они летают без огней. Их не видно, но они есть.

Элоиза затушила сигарету.

— Артур этого не знает?

— Не знает.

— И не узнает. Пока.

Они стояли у окна. Внизу шумел город. Где-то там, в темноте, готовился заговор. Две женщины, две шпионки, две по-

други — они ещё не знали, что стоят по разные стороны. Но пока они были рядом. И смотрели на огни.

В номере было тихо. Хана подошла к Элоизе, встала рядом.

— Ты веришь ему? — спросила она.

— Не знаю, — ответила Элоиза. — Но он дал нам неделю. Этого достаточно.

— Для чего?

— Чтобы понять, кто мы. И кто он. И кто наш общий враг на самом деле.

Она взяла сигарету, закурила снова.

— Ты заметила, Хана? Он ни разу не спросил, откуда ты знаешь про подземный цех.

— Заметила.

— Значит, он знает больше, чем говорит. Или у него есть свой источник.

— Или он сам там был, — сказала Хана.

Элоиза выпустила дым в темноту.

— Возможно. Но сейчас это не важно. Важно, что у нас есть цель. И мы к ней идём.

— А если цель окажется не той, что мы думаем?

— Тогда мы выберем новую.

Она затушила сигарету, повернулась к Хане.

— А теперь мне надо подумать. Иди.

Хана кивнула, ушла в свою комнату.

Элоиза осталась у окна одна. Внизу шумел Париж. Где-то

там, в темноте, её ждали враги, друзья и те, кого она ещё не знала. А она стояла и смотрела на огни.

Глава 8. Разговор.

Позднее утро в «Рице» было золотым и ленивым. Солнце пробивалось сквозь тяжёлые портьеры, ложилось пятнами на паркет, на белоснежную скатерть, на серебряные крышки блюд.

Элоиза и Хана сидели за столом. Чайник с длинным носиком, чашки тонкого фарфора, круассаны на тарелке. Вчерашний день остался за закрытой дверью.

— У меня сегодня встреча с маркизом, — сказала Элоиза, помешивая чай. — Вечером. У него.

Хана подняла глаза.

— Он прислал записку. Требует срочной встречи. — Элоиза усмехнулась. — Думаю, его супруга опять куда-то уехала, и старый развратник надеется на приятный вечер.

— А вы? — Хана в упор посмотрела на Элоизу. — Пойдёте? Нам нужна информация.

— Именно. — Элоиза отпила чай. — Он болтливый, тщеславный, любит производить впечатление. Если его правильно разговорить — он расскажет больше, чем знает.

— Элоиза, будь осторожна с ним, он рассчитывает на больше, например предложит место любовницы, — Хана слегка улыбнулась.

— Возможно. — Элоиза не обиделась. — Но мне нужно не это.

— А что?

— Это шанс. — Элоиза усмехнулась. — Маркиз — военный министр. У него есть доступ к тому, чего нет ни у кого. Если Гастон заинтересован мной — он заговорит. А если заговорит — мы узнаем то, что не узнает Артур.

— Он стар и мерзок, — заметила Хана.

— Он старый, мерзкий и пахнет коньяком и сигарами, — поправила Элоиза, и в её голосе впервые за утро прозвучала живая, почти злая нотка. — Ты видела его лицо, Хана? Эта тяжёлая челюсть, заплывшие глазки, красные прожилки на щеках… А его усы… Он их красит. Я заметила. Седина некрасиво лезет, а он всё мажет, мажет… И лысина натёрта до блеска, в неё можно смотреться как в зеркало.

Хана фыркнула. Фыркнула — и тут же прикрыла рот ладонью, будто испугалась собственной несдержанности.

— Вы невыносимы, мадам.

— Я правдива, — Элоиза рассмеялась в голос. — Гастон де Галиффе. Маркиз. Военный министр. А в жизни — просто старый развратник, который не может провести вечер без бутылки коньяка и без дамы, которая делала бы вид, что ей интересно.

— Хана, ты же знаешь, нам нужен премьер Пьер Вальдак-Руссо. А не маркиз. — Элоиза подлила чай.

— А если он заговорит не с вами, а о вас?

— Тогда он будет очень удивлён. — Элоиза взглянула на Хану. — Я могу за себя постоять.

Хана кивнула.

— Вы ему уже понравились, мадам.

Элоиза усмехнулась.

Хана помолчала, потом спросила:

— Вы верите, что он владеет важной информацией?

— Не знаю, — Элоиза взяла круассан, отломила кусочек. — Но он единственный, кто может ввести меня в правительственные круги. А там… там я найду то, что нужно.

— А если нет?

— Тогда будем искать дальше.

Она откусила круассан, прожевала, запила чаем.

— Сегодня мне нужно выглядеть идеально. Не кричаще, без красных платьев. Со вкусом. Чтобы он понял: я не просто женщина, я — союзник.

— Я подберу платье, мадам.

— Не слишком открытое. И никакой вульгарности.

Элоиза закурила, выпустила дым в потолок.

— А у тебя какие планы на сегодня, Хана?

— Схожу в шляпную мастерскую. Заберу заказ.

— Какой?

— Сиреневую шляпку. Ту, что мы выбрали.

— Одной шляпкой не отделаешься, — усмехнулась Элоиза. — Ты что-то не договариваешь.

Хана не ответила. Только отодвинула чашку.

— Артур, — сказала Элоиза, затушив сигарету. — Что ты о нём думаешь?

— Осторожен, — сказала Хана. — Профессионал. Высокого роста, подтянут, военная выправка. Даже в штатском видно — служил. Смотрит в глаза, не отводит взгляд. Не моргает, когда говорит неправду. Или когда слушает.

— Это опасно? — спросила Элоиза.

— Это значит, что его не сбить с толку. Он не из тех, кто теряется от красивой улыбки или низкого выреза. Он видит людей. Их жесты, их дыхание, их страхи.

— И что он видит во мне?

— Женщину, которая не боится смотреть в ответ. Которая не дрожит, когда он рядом. Которая для него — загадка. А загадки он не любит.

— Значит, я ему не нравлюсь?

— Вы ему интересны, мадам. Это опаснее.

Элоиза усмехнулась, медленно поднесла чашку с чаем, сделала глоток и также медленно поставила на стол. Хана заметила этот жест и поняла, что Мадам думает, как обыграть Артура.

— И что ему нужно? — тихо произнесла Элоиза.

— То же, что и нам. Информация. Но он не скажет, зачем она ему на самом деле.

Хана вздохнула.

— Я вчера и так ему многое рассказала. Нужно ли было это говорить?

— Не переживай. Ты сказала ровно столько, чтобы он поверил.

Элоиза взглянула на Хану. Так, как могла только она. От этого взгляда сходили с ума мужчины, а женщины не могли оторвать глаз и делали всё, что потом скажет Мадам.

— Через неделю встреча. Что мы ему скажем? — спросила Элоиза.

— Правду. Но не всю.

— Правду о чём? О заказчике. О его связях с Берлином?

— У нас задача не думать, какую мы скажем правду, а как использовать Артура и его информацию. И как сделать так, чтобы он не использовал нас.

Элоиза усмехнулась.

— Ты цинична, Хана.

— Реалистична, мадам.

Хана поднялась, но Элоиза жестом остановила её.

— Подожди. Мы так и не выбрали наряд.

Они подошли к шкафу, распахнули дверцы. Платья висели плечом к плечу — изумрудное, серое, тёмно-синее, бордовое. Хана встала рядом.

— Не красное, — сказала она.

— Само собой.

— И не чёрное. Он решит, что вы в трауре.

— И не зелёное. Зелёное вы уже носили.

Элоиза перебирала вешалки, пальцы скользили по тканям — шёлк, бархат, шерсть.

— Вот это, — она вытянула платье глубокого синего цвета. — Почти чёрное, но не чёрное. Достаточно строгое. До-

статочно элегантное.

Хана оценила.

— Серьги с сапфирами. И браслет. — Элоиза перебирала украшения в шкатулке.

— Без ожерелья? — Хана удивилась.

— Нет, Хана, я не надену украшения, только брошь, он должен видеть только меня. И говорить мне всё, что знает. — Элоиза приложила платье к себе, повернулась к зеркалу.

— Как думаешь, сколько ему понадобится, чтобы выдать что-то полезное?

— Два бокала коньяка.

— Я думала, три.

— Вы оптимистка, мадам.

Элоиза усмехнулась, повесила платье на спинку кресла.

— Синее — значит синее. Теперь шляпка.

— Серая. С вуалью.

— Нет. Вуаль опускать не буду. Пусть видит глаза.

— Тогда вот эта синяя, она идеально подходит и причёску не испортит. — Хана достала из коробки шляпку.

Элоиза кивнула, отошла от шкафа. Разговор и приготовления были окончены. Хана направилась к двери, но на пороге обернулась.

— Мадам.

— Да?

— Синее платье — правильный выбор.

— Я знаю, — Элоиза улыбнулась.

Хана вышла. Дверь закрылась.

Элоиза осталась одна. Подошла к окну. Вандомская площадь внизу жила своей жизнью — экипажи, прохожие, разносчики газет. Никому не было дела до женщины в синем платье.

Она взяла брошь — ту самую, что выбрала вместо ожерелья. Старая вещь с тёмным камнем, оправленным в тусклое серебро. Камень казался почти чёрным, но на свету в нём просыпался глубокий бордовый отблеск — как капля старого вина. Брошь не бросалась в глаза. Не привлекала внимания. Но если приглядеться — внутри, под зажимом, пряталась игла. Тонкая, как волос, острая, как бритва.

Элоиза проверила своё секретное оружие — легко ли расстегнуть. Легко.

Вечером — маркиз. А пока — тишина. И ожидание.

Глава 9. Визит к маркизу.

Вечер опускался на Париж синей дымкой. Элоиза спустилась в холл «Рица» — в тёмно-синем бархатном платье, с маленькой шляпкой и вуалью, без единого яркого пятна. Брошь была на месте — старая, с тёмным камнем, тускло блестела на отвороте.

У самого входа, на ступенях, она столкнулась с Ханой. Та шла внутрь — в сером пальто, с плоской картонкой в руках. Шляпка.

— Встреча состоялась? — тихо спросила Элоиза, не останавливаясь.

— Да, — ответила Хана, проходя мимо.

Они разминулись. Элоиза шагнула к мотору. Шофёр открыл дверцу. Хана скрылась за стеклянной дверью.

Особняк маркиза де Галиффе стоял в конце тихой улицы, зажатый между двумя старыми домами. Серый камень, высокие окна с коваными решётками, никакой лепнины. Только массивная дубовая дверь с бронзовым молотком в виде львиной головы.

Элоиза поднялась по ступеням. Дверь открылась раньше, чем она успела постучать.

Лакей в ливрее — белые чулки, чёрный фрак, напудренный парик — поклонился и проводил её внутрь.

Вестибюль был тёмным, пахло старым деревом и воском.

Люстра не горела — только несколько бра на стенах, и их жёлтый свет едва разгонял тьму.

— Маркиз ожидает вас в малой гостиной, мадам.

Она прошла за лакеем по длинному коридору, мимо портретов в тяжёлых рамах. Предки. Все с одинаковыми глазами — маленькими, колючими, недобрыми.

Лакей открыл дверь и отступил.

Маркиз стоял у камина. Во фраке, с орденом на лацкане. Увидел Элоизу — выпрямился, поправил галстук.

— Мадам Бо-Напард, — он шагнул навстречу, схватил её руку, наклонился. Элоиза почувствовала его губы — влажные, противные, оставляющие на перчатке липкое пятно. Внутри всё сжалось от отвращения. Хотелось выдернуть руку, отшатнуться, вытереть тыльной стороной ладони. Но она не двинулась. Только посмотрела на него — спокойно, приветливо, как смотрят на старого друга.

— Вы очаровательны.

— Вы любезны, маркиз, — ответила Элоиза, не убирая руки.

Он выпрямился, не отпуская её пальцев, подал бокал с шампанским. Элоиза не отказалась.

— Как ваш мотор? Говорят, вы на нём весь Париж изъездили. — Маркиз взял свой бокал, отпил, не сводя с неё глаз. — Не боитесь, что сломается? Говорят, эти новые двигатели — они капризные.

Элоиза чуть покачала головой, усмехнулась уголком губ.

— Мой мотор, маркиз, работает на бензине. Керосин — для ламп. А капризы случаются только у дам.

Маркиз рассмеялся — громко, натужно. Смех перешёл в покашливание.

— И часто ломается?

— Ни разу, — ответила она спокойно. — Потому что шофёр у меня бывший военный. Он знает, что к чему.

Маркиз хмыкнул, поставил бокал.

— Вы необыкновенная женщина, мадам.

— Я просто люблю скорость, маркиз. И не люблю, когда обо мне говорят то, чего нет.

Она сделала глоток, поставила бокал на стол. Маркиз потянулся к ней, но она уже повернулась к окну.

— У вас прекрасный вид, маркиз.

— Благодарю, мадам.

Они замолчали. За окном темнело. Где-то там, в этом городе, её ждала Хана. А здесь, в этой комнате, маркиз уже был у её ног. Оставалось только не спугнуть.

— Ужин? — он подал ей руку. — Я надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной трапезу.

— С удовольствием, Гастон, — ответила Элоиза. Она чуть повернулась к нему, почти прижалась плечом. Маркиз замер, не дыша. А она уже играла: взгляд, поворот головы, лёгкое касание. Он был у неё в руках. В этой игре она знала каждый шаг.

Он повёл её в столовую. Говорил о погоде, о политике, о

том, какой трудный год выдался для министерства. Элоиза кивала, улыбалась, не слушала.

— Пьер… — вылетело у него вдруг. Он осёкся, поправил галстук. — Премьер-министр, разумеется, очень доволен. Но я бы сказал, что настоящая работа делается не в кабинетах, а вот так — за ужином, в узком кругу.

Элоиза превратилась в слух. Улыбка стала чуть мягче, взгляд — внимательнее. Она подалась вперёд, взяла бокал, но не отпила.

— Вы так редко говорите о своих делах, маркиз, — сказала она негромко. — А мне всегда казалось, что человек, который держит в руках судьбы страны, должен иногда делиться хотя бы крупицами. Не для хвастовства. Чтобы показать: он не просто чиновник, он — творец.

Маркиз выпрямился, польщённый. Грудь колесом, подбородок вверх. Орден на лацкане блеснул в свете свечей. Он поправил запонки, отставил бокал, положил руку на спинку стула — так, чтобы Элоиза заметила, какой он важный, какой сильный. Глаза его заблестели, усы топорщились, а голос зазвучал громче, почти как на трибуне.

— Вы правы, мадам. Но не всё можно говорить вслух. — Он выдержал паузу, поигрывая желваками. — Однако для вас… для вас я сделаю исключение.

— Я умею хранить тайны, — Элоиза чуть наклонила голову, коснулась пальцами его руки. — И умею слушать.

Он наклонился к ней, почти касаясь уха. Дыхнул — ко-

ньяком, сигарами, старостью. Элоиза не отстранилась.

— Вы очаровательны, мадам, — прошептал он, и его губы скользнули по её шее, ниже, к плечу. Влажно. Противно.

Она сжала пальцы в кулак под скатертью, но не двинулась.

— Вы слишком добры, маркиз, — голос не дрогнул.

Он выпрямился, довольно улыбаясь.

— Моя супруга сегодня на благотворительном вечере, — сказал он, подавая ей руку. — Мы можем быть спокойны. Перейдём в гостиную?

Элоиза кивнула, вложила пальцы в его ладонь.

В гостиной горел камин. Маркиз усадил её на диван, сам сел рядом, налил коньяк в два бокала.

— За вас, мадам, — поднял он.

— За вас, маркиз, — ответила она, не отпив.

— Жена, — он махнул рукой в сторону, — вечно пропадает на этих скучных приёмах. Дамы собираются, обсуждают бедных, пьют чай и сплетничают.

— Вы не разделяете их увлечений?

— Я разделяю только ваше общество, — он наклонился снова, но Элоиза подняла бокал, преграждая путь.

— Расскажите лучше о себе, маркиз. Как вы пришли к власти?

Он выпрямился, довольный, и заговорил. О карьере, о победах, о том, как он умён и как его ценят.

— Вы так много сделали для Франции, маркиз, — Элоиза чуть наклонила голову. — А ваши коллеги… они разделяют

вашу преданность? Я слышала, министры так много путешествуют в последнее время. Лондон, Берлин… Должно быть, готовят что-то важное.

Он замялся, посмотрел по сторонам. В гостиной никого не было.

— Премьер-министр… он человек занятой. Но мы встречаемся. Регулярно. Обсуждаем военные расходы, новые разработки, отношения с Англией…

— С Англией? — переспросила Элоиза, делая вид, что это просто светское любопытство. — А я слышала, что министр иностранных дел, господин Делькассе, недавно вернулся из Лондона.

— Вернулся, — маркиз понизил голос. — И привёз… впрочем, не здесь, не здесь.

— Вы так интригуете, маркиз, — улыбнулась Элоиза. — Теперь я умру от любопытства, какие секреты хранит наш кабинет министров.

Она рассмеялась — легко, как бы невзначай. Маркиз расслабился, взял её руку.

— Вы опасная женщина, мадам.

— Я просто любопытная, Гастон. Искренне любопытная.

— Делькассе привёз проект соглашения. С Англией. И с Россией. Скоро мы будем не одни против Германии.

Элоиза не вздрогнула. Только бокал чуть дрогнул в пальцах.

— Это большая новость, — сказала она спокойно.

— И она не должна покинуть этот дом, — маркиз выпрямился, посмотрел на неё почти строго.

— Я уже сказала: я умею хранить тайны.

Она подняла бокал, сделала глоток, откинулась на спинку дивана.

— Благотворительность, — повторила она задумчиво. — Это так благородно. Кто обычно собирается на таких вечерах? Наверное, жены премьера, министров… весь свет?

Маркиз кивнул, довольно улыбаясь.

— Разумеется. Моя супруга, жена Делькассе, супруга военного атташе… Все, кто что-то значит в этом городе.

— Как мило, — Элоиза опустила глаза, потом подняла. — А вы, маркиз, никогда не сопровождаете супругу?

— Боже упаси, — он поморщился. — Это женское царство, мадам. Там мне делать нечего.

— А я бы с удовольствием посетила такой вечер, — сказала Элоиза как бы невзначай. — Помочь, пожертвовать… Но, наверное, туда приглашают только избранных.

Маркиз наклонился к ней, почти касаясь плеча.

— Для вас, мадам, я сделаю исключение. Моя супруга будет рада познакомить своих подруг с такой очаровательной женщиной.

— Вы очень добры, Гастон, — Элоиза улыбнулась, и в этой улыбке было всё: и благодарность, и лёгкая покорность, и обещание.

Она получила не только информацию о правительстве, но

и ключ к светским сборищам, где жены министров обсуждают то, что их мужья не договаривают. Теперь у неё есть вход.

— Когда следующий вечер? — спросила она небрежно.

— Через две недели. Я распоряжусь, чтобы вам прислали приглашение.

— Буду ждать с нетерпением, — ответила Элоиза.

Она поднялась, давая понять, что визит окончен.

— Уже уходите? — маркиз разочарованно выпрямился.

— Поздно, Гастон. Женщине нужен сон, чтобы оставаться красивой.

Она протянула руку. Он поцеловал пальцы — на этот раз почтительно.

— Вы прекрасны, мадам.

— Вы слишком любезны, маркиз.

Она вышла, не оглядываясь. В автомобиле, откинувшись на сиденье, закрыла глаза. Перед ней встало лицо Ханы. Теперь нужно было рассказать ей всё. И готовиться к следующему шагу.

Глава 10. Артур.

Особняк английского посла в Париже стоял на тихой улице Сен-Флорантен, вдали от шумных бульваров. Серый камень стен, высокие окна с коваными решётками — никакой лишней роскоши. Только флаг над дверью — и тот поднимали только в дни официальных приёмов. Ни вывески, ни имени посла. Тот, кто не знал, прошёл бы мимо, не оглянувшись.

Артур поднялся по широким ступеням, кивнул охраннику в штатском, толкнул тяжёлую дубовую дверь. Холл встретил его полумраком и запахом мебельного лака. На стенах — гравюры с видами Лондона, тускло освещённые газовыми рожками. Пол — чёрно-белая плитка, отполированная до зеркального блеска.

Лакей в белых перчатках беззвучно открыл дверь в кабинет.

Кабинет был заставлен картами. Франция, Германия, Россия — границы, железные дороги, военные укрепления. На столе — развёрнутая карта Руана. В углу — секретный сейф, вделанный в стену, с бронзовой ручкой и гербом Соединённого Королевства. Пахло старым деревом, табаком и бумагой. Тяжёлые портьеры задернуты, света ровно столько, чтобы читать документы, но не напрягать глаза.

Сэр Чарльз Беллвью стоял у стола, склонившись над картой. В руке — маленький флажок на булавке. Он воткнул его

в точку на карте — Париж. Артур заметил: раньше флажок был на Лондоне.

Он не обернулся, когда Артур вошёл, и не повернулся, когда тот закрыл дверь.

— Артур, вы задержались.

Голос сухой, без эмоций, как у человека, который привык, что его приказы исполняются без опозданий.

Артур не стал оправдываться. Только подошёл к столу, остановился.

— Дороги, сэр. Лошади.

— Лошади? — сэр Чарльз наконец повернулся. — В Париже? Или вы ездили за город?

— В городе, сэр. На перекрёстке экипаж встал. Лошадь… сделала свои дела посреди мостовой. Кучер ругался, вокруг собралась толпа. Ни проехать, ни пройти.

— Английскую пунктуальность не оправдать лошадиным помётом, — сэр Чарльз усмехнулся одними уголками губ. — Впрочем, французский быт вас, кажется, уже разбаловал. Садитесь.

Артур сел в кресло. Сэр Чарльз остался стоять, сложив руки за спиной.

— Что узнали?

Артур начал докладывать. Коротко, по делу, без лишних слов.

— Маркиз де Галиффе, военный министр. Болтлив, тщеславен, мнит себя стратегом, но на деле — дурак. Через него

можно выйти на премьер-министра. Его зовут Пьер. Полной уверенности нет, но это имя всплыло в разговоре.

Сэр Чарльз кивнул, не перебивая.

— Делькассе Теофиль, министр иностранных дел. Умён, осторожен, доверяет англичанам больше, чем собственному кабинету. Именно он ведёт переговоры с Лондоном и Петербургом. Вернулся из Англии с проектом соглашения. Срок — осень. Если он сможет убедить премьера, Франция будет не одна против Берлина.

— Осень? — сэр Чарльз поднял бровь. — Это быстро.

— Быстро, сэр. Но есть и другие новости.

— Какие?

— В Руане подпольный цех. Собирают моторы для военных самолётов. Немецкие чертежи, французская сборка. Готовые машины уходят в Швейцарию, а оттуда — в Германию.

Сэр Чарльз помолчал. Достал из жилетного кармана серебряные часы, открыл крышку. На внутренней стороне — выгравированный циркуль и наугольник. Он посмотрел на циферблат, закрыл часы, убрал в карман. Всё это — не глядя на Артура.

— Откуда информация?

— От русской. Она называет себя Элоизой Бо-Напард. Умна, обаятельна, опасна. — Артур помолчал. — При ней есть компаньонка, Хана. Выдаёт себя за служанку, но далеко не она. Тоже умна, но не красива. Её роль пока не понятна. Может быть, телохранитель. Может быть, связная.

Сэр Чарльз усмехнулся, прошёлся вдоль стола.

— Русская? Вы доверяете ей, Кроуфорд?

— Я доверяю её информации, сэр. Она единственная, кто говорит о самолётах и подземном цехе.

— Информация может быть дезинформацией.

— Может. Но она совпадает с другими источниками.

— Другими? — сэр Чарльз подошёл к карте, повернулся резко. — Какими? Вы проверили?

— Не полностью, сэр. Времени мало.

— Времени всегда мало. А вы, Кроуфорд, рискуете. Русские — не на нашей стороне. И никогда не были.

— Она не политик, сэр. Она — игрок.

— Игрок? — сэр Чарльз усмехнулся, но без веселья. — И во что она играет?

— Пока не знаю. Но если она врёт, то почему её информация совпадает с тем, что мы знаем о цехе?

— Потому что её подставили. Или она играет с нами в свою игру.

Артур выдержал паузу.

— Тогда зачем ей это?

— Чтобы получить наше доверие. А потом ударить в спину.

— Возможно, — Артур не опустил взгляд. — Но, если она говорит правду, мы упустим время. Цех будет работать. Самолёты уйдут в Германию. А королева спросит, почему мы не действовали.

Сэр Чарльз замолчал. Постучал пальцем по столу.

— Две недели, Кроуфорд. Вы получите ответ от вашей русской. Если нет — я доложу короне, что вы провалились.

— Я понял, сэр.

— И ещё, — сэр Чарльз посмотрел на него тяжело. Большой палец коснулся перстня — всё тот же масонский знак. — Не влюбитесь в неё. Русские женщины красивы, но опасны. Особенно когда играют.

Артур кивнул, уже поднимаясь, но сэр Чарльз остановил его жестом.

— Одно дело, Кроуфорд. Не связанное с вашей русской. Наше агентство перехватило странную информацию. Готовится покушение.

— На кого?

— Пока не знаем. Но под ударом Делькассе и премьер-министр Пьер Вальдак-Руссо. Возможное место — благотворительный вечер, где соберётся весь свет. Время — через несколько недель.

— Исполнители?

— Германия, — сэр Чарльз усмехнулся. — Кто же ещё. Но кто конкретно — неизвестно. Одно ясно: убийца или убийцы уже давно в Париже. Возможно, среди тех, кого мы знаем. Или тех, кому доверяем.

Артур замер.

— Почему вы говорите мне об этом?

— Потому что ваша русская может быть причастна. И по-

тому вы будете на этом вечере, Кроуфорд. Я уже распорядился. Вы получите приглашение.

— Я понял, сэр.

— Смотрите. Слушайте. И не вмешивайтесь, если не будете уверены на сто процентов.

Артур кивнул. Вышел.

В коридоре было тихо. Только половицы скрипнули под ногами. Лакей в белых перчатках открыл наружную дверь, и Артур шагнул на улицу.

Париж встретил его серым небом и запахом сырого камня. Он остановился на ступенях, закурил. Пальцы не дрожали. В кабинете сэра Чарльза он всегда держал спину. Здесь, на воздухе, можно было выдохнуть.

Он думал об Элоизе. О том, как она сидела в «Мулен Руж» — прямая, как клинок, с улыбкой, которая ничего не обещала. О том, как её компаньонка сжимала бокал, не сделав ни глотка. О том, что через несколько дней он снова увидит их обеих. И о том, что сэр Чарльз сказал: «Не влюбитесь».

Артур затянулся, выпустил дым в пасмурное небо.

— Поздно, — сказал он вслух. Никто не услышал.

Он сел в экипаж, назвал адрес. За окном проплывал Париж — серый, чужой, равнодушный. Где-то там, в этом городе, готовилось покушение. Где-то там Элоиза, возможно, уже знала о нём. Или не знал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.